

Тепло передалось через соприкоснувшиеся кончики пальцев, и на мгновение Жун Чжи показалось, будто ее обожгло.

Пальцы, уши, да и все остальное — словно вспыхнуло.

Но прежде чем она успела отдернуть руку, Цэнь Лубай сама ее отпустила.

— Садись в машину.

Засунув одну руку в карман пальто, она не спеша направилась вперед. Мимо, пошатываясь, проехал электроскутер дедушки-сторожа, и Жун Чжи поняла, что недавнее Цэнь — это, должно быть, поддразнивание со стороны Цэнь Лубай.

Так и вышло. Цэнь Лубай пояснила:

— В этом году на Праздник весны придется несколько раз съездить на Бэйшань. У Цэнь Цзе ребенок еще не достиг месячного возраста, тетушка часто навещает ее, а дедушка считает, что перед праздниками дома и так полно хлопот, поэтому надеется, что ты сможешь помочь.

Цэнь Цзе была той самой двоюродной сестрой, о которой упоминала Цэнь Яо.

Жун Чжи без колебаний ответила:

— Хорошо.

Семья Цэнь — влиятельный род. У Цэнь Хаоши прямых потомков много, а вот боковых ветвей мало. Каждый раз, когда наступают праздники, предполагающие воссоединение семьи, близкие родственники по приглашению съезжаются в усадьбу на горе Бэйшань, чтобы вместе встретить канун Нового года — кто-то в надежде примазаться к успеху, а кто-то просто ради шума и веселья. Если добавить к этому деловых партнеров, то ближе к концу года в усадьбе Бэйшань буквально яблоку негде упасть.

Организовать все это и достойно принять гостей — задача не из легких. Жун Чжи еще в прошлом году осознала это.

Цэнь Лубай добавила:

— Я попрошу Яоя помочь по дому, постараюсь, чтобы это не отнимало у тебя слишком много времени.

Жун Чжи ответила взаимностью:

— Ничего страшного, через два дня у меня уже каникулы. — Сказав это, она что-то вспомнила, застенчиво улыбнулась и в шутку добавила: — Надеюсь, я не окажусь бесполезной и не доставлю лишних хлопот.

Они стояли у края тротуара, дожидаясь, пока водитель подаст машину с другой стороны дороги. Полуденное солнце грело, растягивая их тени, сближая их.

Цэнь Лубай чувствовала, что эмоции Жун Чжи сейчас были настоящими, живыми, а не той вежливой и отстраненной учтивостью, что обычно. Словно лед начал подтаивать, источая легкий белый пар нежности.

— Не доставишь, — с улыбкой ответила она. Она пошевелила ногой, и тень тоже дрогнула, прильнув к другой.

*

С приближением праздников Цэнь Лубай, как и обещала, была настолько занята, что едва касалась земли ногами. Жун Чжи видела ее почти исключительно по вечерам. Однако, сравнивая это с тем, как больше года назад она неделями не видела Цэнь Лубай, Жун Чжи даже поймала себя на мысли, что в последнее время та стала как будто свободнее.

В тот вечер, когда Жун Чжи осталась ночевать в усадьбе Цэнь на горе Бэйшань, они обе были заняты делами в кабинете. Около одиннадцати часов Цэнь Лубай закончила работу, закрыла ноутбук и слегка потеряла переносицу. Свет ламп отбрасывал тени под глазами, в ее облике читалась легкая усталость.

Жун Чжи, закончив перевод документа, не удержалась и спросила:

— В последнее время ты была в командировках?

Цэнь Лубай перестала массировать переносицу. Она подняла голову, повернула лицо, подперла щеку рукой и посмотрела на Жун Чжи:

— Я тебя отвлекаю?

В темных глазах плескалась мягкая улыбка, словно в озере, отчего ее лицо, холодное и сосредоточенное весь вечер, вдруг оживило. Казалось, та недавняя усталость была лишь иллюзией Жун Чжи.

Жун Чжи часто захлопала ресницами и невольно сглотнула. Она отвела взгляд и пояснила:

— Нет, просто раньше ты была очень занята, постоянно пропадала, а в последнее время все

иначе.

Цэнь Лубай уставилась на кошачьи ушки-гвоздики, сверкающие в свете ламп на мочках ушей Жун Чжи. Ей они очень нравились. Она заметила их, как только та вошла.

— В последнее время проект на окраине Бэйчэна я веду лично, — ответила она. — В будущем, после корректировки стратегии компании, командировки должны стать реже.

Жун Чжи не стала сомневаться в ее словах. Она ничего не понимала в делах компании Цэнь Лубай и не испытывала к ним никакого любопытства. Это были личные дела Цэнь Лубай, и она слушала ровно столько, сколько та считала нужным рассказать в рамках их сотрудничества, никогда не переходя границ.

— Это хорошо, — вежливо закончила она.

Цэнь Лубай, следуя правилу взаимности, тоже спросила:

— Как дела у Жун Чжи?

Жун Чжи была слегка удивлена — раньше они никогда не обсуждали подобных тем. Она не стала скрывать:

— Все уладилось, думаю, проблем больше не будет. Тань Шужу тоже поговорила с той стороной, и дело окончательно закрыто.

Цэнь Лубай задумчиво произнесла:

— Значит, она в порядке?

Жун Чжи немного подумала и осторожно ответила:

— Думаю, да. Мы обедали вместе сегодня днем, она выглядела довольно спокойной.

Ни печали, ни радости, словно ничего и не произошло. Она не знала, что именно сказала Тань Шужу, да и сама Жун Чжи не стала раскрывать подробностей личной жизни подруги, лишь упомянула, что та окончательно порвала с тем мужчиной. И что он даже извинился перед Тань Шужу.

Цэнь Лубай кивнула, словно сама почувствовала облегчение. Уголки ее губ приподнялись, и она вдруг спросила:

— Так эти серьги вы купили вместе сегодня днем?

Жун Чжи опешила, машинально коснулась мочки уха и улыбнулась:

— Да. — И тут же, пытаясь скрыть смущение, добавила: — Жун Чжи посчитала, что они красивые.

— Немного по-детски?

Раньше она бы никогда не стала произносить то, что Жун Чжи могла бы счесть бессмысленным разговором.

Глаза Цэнь Лубай потемнели.

— Нет, — искренне ответила она. — У тебя отличный вкус.

*

На следующее утро Цэнь Лубай лично повезла Жун Чжи в усадьбу Цэнь на горе Бэйшань.

После свадьбы, зная, что Цэнь Лубай и так приходится постоянно лавировать между интересами семьи, Жун Чжи была там всего несколько раз. Сейчас в усадьбе жил дедушка Цэнь Лубай, Цэнь Хаоши. Она занимала огромную площадь, была окружена прекрасными пейзажами и спроектирована известными отечественными и зарубежными архитекторами. И в дождливый весенний день, и в снежный зимний — там всегда было на что посмотреть.

Жун Чжи в глубине души испытывала к этому месту неприязнь.

Люди в семье Цэнь были куда хитрее ее родителей, каждый из них — мастер скрытых интриг. Даже обычная светская беседа часто таила в себе ловушки, от которых у Жун Чжи потом по спине бежал холодный пот. Поэтому каждый раз ей приходилось настраивать себя, собирая всю волю в кулак, словно перед выходом на поле боя.

Когда они почти подъехали к усадьбе, Цэнь Лубай, словно вспомнив о чем-то важном, крутанула руль и неожиданно бросила:

— Кстати, мама привезла Цэнь Иня на праздники, они тоже будут здесь какое-то время.

Словно гром среди ясного неба, это известие оглушило Жун Чжи.

Она еще ни разу не видела свою названную свекровь. Та даже на свадьбе не появилась, а Цэнь

Лубай лишь уклончиво говорила, что мама за границей, и Жун Чжи перестала расспрашивать.

Когда она знакомилась с Цэнь Хаоши, тетужкой Цэнь Лубай, двоюродным братом и Цэнь Яо, Цэнь Лубай всегда давала подробные инструкции, на что обратить внимание. А тут — вдруг объявились свекровь и племянник, к чему она была совершенно не готова.

Ее лицо невольно выразило растерянность. В глазах Цэнь Лубай промелькнула нежность. Она снова протянула руку и взлохматила волосы Жун Чжи, словно успокаивая кошку, и тут же отстранилась.

— Не волнуйся, общаться придется нечасто. Мы не близки, просто поздоровайся, когда увидишь, а потом вежливо улыбайся при встрече, — спокойно сказала она. — Думаю, ей тоже не очень нравится, когда ее называют мамой.

Жун Чжи, которую погладили по голове второй раз за день, неожиданно для себя не почувствовала отторжения, даже акцент сместился на другое.

Она поняла смысл слов Цэнь Лубай.

Что значит — ей тоже не нравится, когда ее называют мамой? Это «тоже» означает то, о чем она подумала?

Она с сомнением взглянула на лицо Цэнь Лубай, но та оставалась невозмутимой: черты лица изящные, выражение теплое и сдержанное, никаких лишних эмоций.

Жун Чжи отвела взгляд, не до конца поняв смысл, но, соблюдая границы, отозвалась:

— Хорошо.

Цэнь Лубай больше ничего не объясняла.

Вскоре машина въехала на территорию усадьбы. Цэнь Лубай припарковалась, и они вместе вошли в главный особняк.

В гостиной тетужка Цэнь Лубай беседовала с женщиной, которую Жун Чжи видела впервые: ухоженной, статной, с безразличным выражением лица. Жун Чжи догадалась, что это, вероятно, и есть Чжуан Синьюнь, мать Цэнь Лубай.

Так и оказалось. После приветствия тетужки взгляд Цэнь Лубай упал на эту женщину, и она сухо произнесла:

— Мама.

Та лишь слегка кивнула.

Жун Чжи последовала ее примеру и тоже поздоровалась. Та окинула ее взглядом, без всякой искренности извинилась за то, что не смогла приехать на свадьбу, и вручила ритуальный конверт с деньгами.

Ее отношение не было теплым, в нем не было ни капли той привязанности, которую ожидаешь увидеть при встрече с дочерью или ее избранницей. Жун Чжи не стала сразу брать конверт, вопросительно взглянув на Цэнь Лубай. Та спокойно кивнула, и Жун Чжи вежливо приняла подарок, поблагодарив.

Больше они почти не обменялись ни словом. Чжуан Синьюнь напомнила Цэнь Лубай, что Цэнь Хаоши ждет ее наверху, а затем заявила, что пойдет проверит, не бегают ли где Цэнь Инь, и поспешно удалилась. Будто ее заставили исполнить роль в спектакле, и как только задача была выполнена, она не могла дожидаться момента, чтобы уйти.

Жун Чжи и Цэнь Лубай остались стоять на месте.

Тетушка, напротив, была оживлена:

— Жун Чжи, наконец-то мы тебя дождались! У меня голова идет кругом от всех этих хлопот. Поздоровайся с дедушкой, а потом помоги мне немного, ладно?

Жун Чжи ответила мягко:

— Я не уверена, что смогу быть полезной, но буду рада, если вы меня чему-нибудь научите.

Цэнь Лубай тоже изобразила заботливую супругу:

— Пожалуйста, присмотри за ней, тетушка.

Они разыграли сцену с идеальной слаженностью настоящей пары. Не успели они поболтать, как вернулась Цэнь Яо, и втроем они поднялись наверх, чтобы поприветствовать Цэнь Хаоши.

Цэнь Хаоши было за восемьдесят. Из-за многолетнего труда и потери детей он выглядел гораздо старше и изможденнее большинства своих сверстников, но в его осанке и манерах все еще угадывалась былая стать. Все в семье Цэнь обладали приятной внешностью, и это было наследственным.

В последние годы он из-за слабого здоровья и проблем с ногами отошел от дел и редко появлялся на публике, однако ум его оставался ясным и острым.

Когда Жун Чжи, Цэнь Лубай и Цэнь Яо постучали, он сидел в очках, укрыв колени тонким пледом, и в одиночестве играл в го. Увидев Жун Чжи, которую давно не видел, он просиял — его выражение лица было даже теплее, чем при встрече с родными внуками.

— Жун Чжи, ты как раз вовремя, — он поманил ее к себе, предлагая составить компанию в игре.

Две родные внучки — одна вечно занята, другая не играет в го — оказались в стороне.

Любой мог заметить, как он симпатизирует жене своей внучки. Все вокруг думали, что Цэнь Хаоши ценит начитанность и ум, что ему не важна родословная, поэтому он так полюбил Жун Чжи за ее умение вести себя достойно и сдержанно.

Только сам Цэнь Хаоши понимал истинную причину: в ней он видел искреннюю доброту и чистоту сердца.

Именно такой человек был нужен рядом с Цэнь Лубай.

Он вырастил Цэнь Лубай и знал, что внешне она — покорная и кроткая кошка, но внутри — тигр, который скрывает когти, ожидая подходящего момента. Мужчины в семье Цэнь были такими же, и если семья Цэнь и Бэйна продолжат процветать, то полагаться придется именно на нее. Он был готов передать ей дела, но по мере того, как Цэнь Лубай росла, он видел ее насквозь. Он боялся, что в ее сердце затаилась обида, и она, подобно Цэнь Цяню, не сможет простить, и после его смерти не будет милосердна к Цэнь Тину, Цэнь Цзе и Цэнь Иню.

То, что рядом с ней оказалась Жун Чжи — возможно, к лучшему. В конце концов, она, человек, не верящий в богов, в тот день сделала исключение ради горы Цинфэн.

Тот, в ком есть чувства, кто способен на мягкость, — вот кто по-настоящему человек.

И это не пугало.

<http://bllate.org/book/18697/1807087>